

ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ

ГОСУДАРСТВО В ХРИСТИАНСКОЙ ТРАКТОВКЕ АНТИЧНОГО ПЕРИОДА

О. М. Ленцевич

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск, Беларусь,
liantsevich.volga@yandex.ru

В статье на основе анализа трудов христианских авторов античного периода прослеживается эволюция взглядов на государство и светскую власть, выявляются причины изменения позиции, особенности формирования концепции на Западе и на Востоке Римской империи.

Ключевые слова: античное христианство; государство; Римская империя; эсхатология; мужи апостольские; апологеты; патристика.

THE STATE IN THE CHRISTIAN INTERPRETATION OF THE ANCIENT PERIOD

V. Liantsevich

Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus, liantsevich.volga@yandex.ru

The article traces the evolution of views on the state and secular power based on the analysis of the works of Christian authors of the ancient period, identifies the reasons for the change in position, the peculiarities of the formation of the concept in the West and in the East of the Roman Empire.

Keywords: ancient Christianity; state; Roman Empire; eschatology; men of the apostles; apologists; patristics.

Термин «античное христианство» имеет, прежде всего, хронологический смысл и включает в себя период первоначального христианства (новозаветный период), раннехристианский период (в контексте государственно-церковных отношений целесообразным рубежом видится 313 г.) и продолжается до второй половины V в. н.э. На протяжении всего периода в рамках античной цивилизации шел процесс формирования христианской доктрины, культовой практики и иерархической церковной организации; менялся статус – от одного из многочисленных верований языческого Рима, к религии гонимых, и далее – к разрешенной и, наконец, единственной государственной религии.

На протяжении всего периода вопросу взаимоотношений с государством христиане не уделяли специального внимания. При этом, будучи подданными активно растущего крупнейшего государственного образования, они так или иначе обращались к вопросу отношения к власти, ее сущности и назначению. Политическая обстановка, сложившаяся в римских провинциях на рубеже нашей эры, в немалой степени повлияла на формирование базовых христианских идей. Отношение к государству у христиан под воздействием внешних и внутренних факторов постепенно менялось.

Христианство привлекало к себе многих людей, которые не были удовлетворены тем, что давала им окружающая действительность и многочисленные языческие культы Римской империи. Именно новые идеи расширяли круг сторонников учения Иисуса. Среди них на первое место можно

поставить идею спасения, избавления от страданий и смерти через веру в Иисуса, в его мессианское предназначение. Как утверждает один из исследователей этого периода В. Джемс «...для огромного большинства людей ... религия означает прежде всего бессмертие – и, пожалуй, ничего больше...» [4, с. 515]. Среди множества религиозных учений поздней античности христианство выгодно отличалось прежде всего тем, что существование человека в нем не ограничивалось лишь земным веком, и обещало вечное бессмертие, райское блаженство тем, кто примет в свое сердце Иисуса и будет следовать строгим предписаниям. Из религий, существовавших на рубеже эры, эту идею предлагали и восточные культы, и иудеи. К. Баус предполагает, что среди представителей среднего класса было довольно много поклонников восточных мистерий [15, с. 20]. Однако, эти общества были закрытыми, и даже секретными, – считает М. Шепперд; только посвящение несло человеку возрождение и вечную жизнь после смерти [21, с. 3]. Большинство исследователей склонны утверждать, что в массах восточные культы с их сложными мистериями, магией и астрологией, не имели широкого распространения [8, с. 734; 10, с. 11; 13, с. 174].

Иудеи же, будучи в большинстве своем закрытым этно-религиозным сообществом, обещали рай лишь для еврейского народа. Иудейская религия закона с ее строгими правилами и нормами жизни не могла привлечь к себе большого количества последователей. В то же время Иисус, иудей, стал Мессией не только для евреев. Христианская религия обещала вечную жизнь представителям любого вероисповедания, любой этнической и социальной группы. Принципиально новым в христианском бессмертии было признание факта всеобщей греховности любого человека. Но в то же время верующий мог «спастись». И это было, по меткому замечанию У. Френда, индивидуальное, а не коллективное спасение избранного народа [17, с. 44].

Период первоначального христианства отмечается своей однозначно негативной оценкой римского государства, ярко выраженной в Откровении Иоанна, самой ранней книге Нового Завета, где Рим называется «Вавилонской блудницей» (Откр. 17.1; 5; 18), ассоциируется с беззаконием и неправдой, насилием, страхом, захватническими войнами. Отрицание современного государства, протест против установленных порядков сопровождался неверием в собственные силы, в возможность изменить установившуюся практику, и надеждой на высшие силы, которые установят справедливость. Наиболее ярко подобные надежды выразились в ожидании скорого пришествия «Мессии», Спасителя, который установит «тысячелетнее царство» справедливости на земле.

Настроения в римской провинции Иудее, обостренные 36-летним правлением ставленника Рима царя Ирода Великого (40 – 4 гг. до н.э.) были отражением общегосударственных тенденций. Жестокое подавление народных восстаний, повсеместное насаждение римских культурных и религиозных традиций, умелая игра на противостоянии иудейских религиозно-политических групп фарисеев и саддукеев, используемые Иродом для прихода к власти и укрепления своего политического могущества, а также регулярная поддержка из столицы, вызывали ненависть подданных и постоянно крепнущее ожидание прихода того, кто избавит народ от деспота. Поэтому неудивительно, что первое появление Иисуса было воспринято как приход царя-спасителя. Впервые «Царем Иудейским» младенца-Иисуса называют волхвы; именно с таким обвинением Иисус предстает перед Пилатом (Мф. 27.11; Лк. 23.3).

Безусловно, именно отношение Иисуса к «земному» государству закладывало основы христианской трактовки основного политического института.

Историография XX в., обращаясь к данной проблематике, трактовала Христа по-разному, ссылаясь, прежде всего, на отдельные евангельские фрагменты, подтверждающие их правоту: как анархиста, отрицающего царскую власть и суды [2]; как пацифиста, выступающего против любой формы насилия [23]; а также прямо противоположно, как революционера, сторонника насильственной борьбы с римской тиранией, сочувствующего движению вооруженного сопротивления zelotim [16]. В данных, а также множестве иных работ прослеживается, по всей видимости, попытка приписать евангельским временам настроения и идеи современного общества.

Евангельский Иисус не отрицает, но и не уделяет слишком большого внимания вопросам взаимоотношений с властями. Второе искушение, которому подвергся Спаситель в пустыне – искушение властью (Лк. 4. 5–7). Он сталкивается с властями на протяжении своего пути, открыто выступая против общепринятых порядков (изгоняет торговцев из Иерусалимского храма (Лк. 19. 45–47); называет Ирода «лисицей» (Лк. 13. 31–32) и даже подчеркивает, что принес «не мир..., но меч» (Мф. 10. 34–36).

С другой стороны, в словах и поступках Иисуса нет прямого осуждения и выступления против действующей власти, прослеживается тенденция непротивления злу насилием, высказанная в Нагорной проповеди (Мф. 5.38–39, 44), при аресте (Мф. 26.52), в разговоре с Пилатом (Мф. 27.12–14). Здесь мы видим скорее индифферентное отношение к государству, попытку отстраниться от его влияния, сосредоточиться на гораздо более важных вопросах: построении Царства Божьего внутри каждого верующего. Спасение каждого человека Иисус видит в следовании единственно правильным и справедливым божьим законам. Происходящее вокруг него «море беззакония», воровство, убийства, идут не от Бога; именно для «беззаконных, нечестивых и грешников» нужен закон. И этот закон также не связан с государством, у Иисуса он един и происходит только из одного источника – божьей воли.

При отсутствии специального разговора о государстве, в поведении Спасителя прослеживается скорее пассивное подчинение некоторым государственным порядкам там, где это не затрагивает вопросы веры: заплатить подати («отдавайте кесарево кесарю» (Лк. 20.21–25)).

После смерти Иисуса круг его сторонников преобразовался в общину. Отличительной чертой апостольского периода, датируемого от 70 – 80 гг. [20, с. 87] до 100 – 125 гг. [19, с.78; 14, с.210], было то, что апостолы из Иудеи направились в другие провинции Римской империи, обращая в христианство новых последователей. По примеру первых христианских общин стали организовываться сообщества христиан-единоверцев во враждебной языческой среде. Это была единственная возможность поддержать, сплотить единоверцев, привлечь к себе новых сторонников.

На первых порах новая религия не содержала жестко регламентированных норм и правил жизни; при этом вера в скорое возвращение Христа, страшный суд и установление Царства Божьего на земле предопределила некоторые поведенческие установки жизни христиан. Одной из доминирующих идей первоначального христианства стали эсхатологические ожидания [12, с. 44]. Безразличие и даже осуждение Иисусом богатства (Мф. 19.24), роскоши и распущенности нравов того времени, ожидание скорого конца мира вывело тезис об отречении от всех ценностей земного мира: «... не любите мира, ни того, что в мире...» (Ин. 2.15). «Блудодаянию» христианами был противопоставлен аскетизм, как телесный, так и нравственный.

Одной из наиболее популярных идей нового учения была вера в лучшее будущее, которое должно наступить для всех племен и народов. В ней своеобразно заложена идея прогресса, т.к. на арену выходил новый, преобразованный, лучший человек, который стремится создать себя по образу Иисуса. И при этом утверждалось, что любой человек может достичь божественной высоты (ведь сам Иисус – «сын человеческий»). Первые христианские общины основывались на идеях равенства всех верующих перед Богом (слова апостола Павла «Нет уже иудея, ни язычника, нет раба, ни свободного, нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал. 3.28) представили великую идею равенства, этнического и религиозного, полового и социального); общности имущества (отказа от частной собственности); коллективного труда; осуждения богатства и привилегий, рабства. Общины воспринимались верующими как прообразы будущего царства Божьего на земле. Анализируя политические доктрины последующих эпох, можно с уверенностью утверждать их обращение к идеалам первоначального христианства.

При этом у первых христиан вход в царство Иисуса лежит через принятие норм любви и справедливости, поскольку Спаситель своим примером убеждал, что став на путь силового свержения власти, «любое поколение революционеров может перерасти в следующее поколение угнетателей» [18, р. 206].

В первых христианских общинах не существовало четкой организации, не было ни общинного собрания, ни главы общины. По всей вероятности, дома единоверцев служили местом для собраний, а харизматически одаренные личности (апостолы, пророки, дидаскалы-учителя) наставляли в вопросах веры. Но уже в поздних посланиях Павла (Флп., 1 Тим., Тит.) встречаются слова о «даре управления» и вырисовываются церковные должности епископов и диаконов. В то же время наблюдается поворот апостолов в отношении к действующей власти: у Петра видим: «Итак будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, как верховной власти, правителям ли, как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро, – ибо такова есть воля Божия...» (1 Пет. 2.13–15). И далее у Павла, как бы в продолжение слов Петра: «Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога...» (Рим. 13. 1–7). На первый взгляд непоследовательная позиция апостолов может объясняться их основной целью: распространением христианских идей в провинциях империи на фоне недружелюбных настроений и слухов, которые сопровождали новое учение. Было важно не обострить отношения с враждебно настроенным языческим миром, а напротив, продемонстрировать образец должного поведения. При этом обратим внимание на новый тезис, ранее не встречавшийся в христианских писаниях: «нет власти не от Бога». Таким образом, налицо объективный процесс эволюции христианских идей на фоне эсхатологических ожиданий и формулирование новых задач, неактуальных в период первоначального христианства. Объяснение данного явления приобщением к христианству богатых язычников, которые сделали религию глубоко противоречивой, с порой противоположными трактовками государства [1, с. 158], выглядит не вполне обоснованной.

В конце I – начале II вв. происходит переход к иерархическому строю церкви, обусловленный, с одной стороны, увеличением количества верующих в общине и снижением их общего уровня [3, с. 16–17] и в связи с этим – необходимостью унификации в культе и дисциплине [22, с. 81], а с другой стороны – процессом естественного вымирания чрезвычайных служений [7, с. 101]. Место харизматиков постепенно занимали епископы и диаконы. И если в общинах первой

четверти II в. еще отсутствовал стоящий над рядовыми общинниками клир [11, с. 67], то в писаниях апостольских мужей рубежа I – II вв. уже различаются три клерикальные должности – епископов, пресвитеров и диаконов [15, р. 43]. Правда, все три должности называет только Игнатий Антиохийский (Ad Smyrn. VIII), призывая мирян подчиняться клирикам. Процесс роста значения клира гораздо быстрее шел на Востоке (Сирия, Малая Азия) [21, р. 16; 9, с. 149], и во второй декаде II в. в Антиохии, по данным К. Бауса, уже существовал монархический епископат [15, р. 44]. Поставленный апостолами епископом г. Смирны Поликарп (муч. 156 г.) в письме к Филиппийцам рекомендует: «Молитесь также за царей, за власти и князей, даже за преследующих и ненавидящих вас и за врагов креста, чтобы плод вашей веры был явен для всех, и сами вы были совершенны» (Филипп. XII). Данные слова не вступают в противоречие с предшественниками Поликарпа, поскольку в наступивший период гонений на христиан вновь обострились эсхатологические ожидания, и подвиги за веру стали прямым способом обретения рая.

Апологетическая литература конца II – III в. должна была раскрыть основные положения христианского вероучения римским властям, а также образованным язычникам и добиться таким образом терпимости со стороны государства и общества. Христианские авторы вступают в полемику с нехристианами, приводят многочисленные аргументы в свою пользу, в том числе касаясь проблем государства.

Известный римский юрист африканского происхождения Марк Минуций Феликс в диалоге «Октавий» (конец II – начало III в.) говорит о началах римской государственности: «Не преступление ли соединило римлян, не неистовая ли жестокость дала им силу? ... и сам Ромул ... совершил братоубийство, чтобы превзойти в злодеянии свой народ. Вот первые начатки благочестивого государства...» (Ostav. XXV). Похожая картина изображается и в сочинении карфагенского епископа Киприана (ок. 255 г.), где также «взгляд на происхождение [Рима] заставляет краснеть... Народ собирается из преступников и злодеев и, устроив убежище, совершает множество безнаказанных преступлений... грабят, неистовствуют, обманывают...» (Quod idola 4). Негативный образ начал римской государственности должен был, по закону жанра, перерасти в обличение современного Рима, чего на практике не происходит. У Киприана видим: «Царства же не по заслугам предоставляются, но меняются в соответствии с предназначением, по чередованию властей пришло также время править и римлянам, как и прочим...», и оказывается, что последние всего лишь «хранят полученное время до известного срока» (Quod idola 4). Это уже попытка выявления автором закономерностей исторического процесса. В целом, по утверждению профессора В.А. Федосика, Киприан «избегает оценок императорской власти»; в его сочинениях «нет открытого осуждения императорской власти» [10, с. 81–82].

Терпимое отношение к развивающимся на государственном уровне общеимперским гонениям на христиан, отсутствие осуждения со стороны авторов II – III вв. антихристианской политики властей вполне сочеталось с настроениями первых христиан. Нельзя не отметить также тот факт, что для формирующегося христианства значительные территории единой Римской империи были удобным плацдармом для распространения веры. Таким образом, для миллионов людей *Rex Romana* был единственно возможным. Поэтому «... позднеантичные интеллектуалы, в том числе и христиане, не могли не задумываться о судьбе Империи и ее месте в мировой истории» [6, с. 241].

В «Церковной истории» Евсевия сохранились отрывки Апологии Мелитона,

епископа малоазийских Сард, адресованной Марку Аврелию (ок. 170 г.). Автор впервые рассматривает христианскую религию и земную империю как двух сестер; распространение христианства со времен Августа принесло большую пользу государству, поскольку империя с этого времени только укреплялась благодаря «молитвам всех» (Hist. eccl. IV. 26. 7–8). В сущности, это первые ростки развитой позднее в Византии концепции симфонии Церкви и государства, в которой постулируется тесная связь двух базовых институтов.

Один из известнейших христианских писателей, теологов и апологетов из Карфагена Тертуллиан оставил богатое литературное наследие, по большей части сохранившееся. В «Ad nationes», «Apologeticum» (197 г. н. э.), «Ad Scapulam» (212 г. н.э.) прослеживается иногда не вполне последовательное отношение автора к светской власти: «... скорее, наш [чем ваш] император, так как он поставлен нашим Богом» (Apolog. 33). С другой стороны, императоры являются главными гонителями христиан (Apolog. 31). При этом апологет выдвигает тезис о том, что Рим получил власть над народами по воле Всевышнего: «Судьба времен владеет царствами. Ищите, кто установил смены времен. Он же управляет царствами... и теперь сосредоточил в руках римлян власть, отнятую у многих народов... Что от Него зависит она, это знают те, кто к нему ближе всех...» (Ad nat. II. 17).

Далее в Апологии – прямое указание на общие интересы: «Мы знаем, что предстоящая всему земному шару величайшая катастрофа и самый конец мира, грозящий страшными бедствиями, замедляется римскою властью. Мы не хотим испытать этой катастрофы и этого конца, и потому, когда молимся об отсрочке этого, то этим самым содействуем продолжению римского государства» (Apolog. 32); «... христианин должен его [императора] высоко ценить, почитать, уважать и желать ему благополучия, равно как и всей Римской империи, пока существует мир, ибо дотоле он будет существовать» (Ad Scar. 2). П. Лебедев предлагает трактовать эти отрывки как последовательную «христианизацию» римской истории [5, с. 53], проявляющуюся в христианской литературе с III в.

Весьма рельефно идею необходимости и преимуществ существования для христиан единого государства подтверждает Ориген Александрийский в «Contra Celsum» (ок. 248 г.): «Бог предуготовил народы к Его учению и устроил так, что римский царь стал господствовать над всем миром. Ведь если бы было много царств, тогда и народы оставались бы чужими друг другу; тогда и исполнение приказания Иисуса: «идите и научите все народы» (Мф. 28.19), – приказание, которое дано было Апостолам, было бы соединено со значительными затруднениями. Известно, что рождение Иисуса последовало в правление Августа, который слил – если можно так выразиться – многочисленные народы земли в одно царство. И это было важно потому, что существование многочисленных царств, конечно, послужило бы препятствием в деле распространения учения Иисуса по лицу всей земли...» (Contra Cels. II, 30).

В «Церковной истории» (323–325 гг.) кессарийского епископа Евсевия Памфила идея Империи как богоизбранного христианского государства нашла своё окончательное оформление [пенской, с. 244]: «... предрасположив души высших царственных лиц, Оно [Слово Божье] очистило с помощью этих угодных Богу людей всю вселенную от всех злых нечестивцев и от страшных и богоненавистных тиранов...» (Hist. eccl. X. 4.60). С Империей историк связывает распространение христианства в языческой среде, борьбу с ересями и даже защиту единоверцев за пределами государства. Он обосновывает изменившийся в результате принятия Миланского эдикта 313 г. статус христианской церкви в Римской империи, знаменовавший собой начало последовательной христианизации и последующего

закрепления в положении единственной государственной религии.

Особую позицию в отношении государства занимает представитель западной патристики, епископ североафриканского Гиппона Августин Аврелий (354–430). В трактате «О граде Божьем» (412–426) выводится образ двух противоборствующих градов – небесного и земного. Их основателями являлись враждовавшие между собой Каин и Авель: «...образовались два различные и противоположные друг другу града потому, что одни стали жить по плоти, а другие по духу, может быть выражено и так, что два града образовались потому, что одни живут по человеку, а другие по Богу» (Кн. 14.4). «Грады» Августина – гипотетические, не имеющие реальных аналогов. Это скорее идеальные проекции, ассоциирующиеся с Богом и сатаной. «Град Божий» и «Град земной», как духовная и светская власть, существуют отдельно, в чем, по сути, прослеживается идея разделения двух властей. Однако в данном направлении Августин непоследователен, указывая на то, что власть земные правители приобретают не сами, она принадлежит им по воле Бога и должна направляться на сохранение единства церкви, ее защиту от варваров и еретиков. Власть же Церкви выше светской власти, поскольку духовная власть обладает приматом над мирской.

Реальные государства, находящиеся в состоянии постоянной войны друг с другом: «...при отсутствии справедливости, что такое государства, как не большие разбойничьи шайки; так как и сами разбойничьи шайки есть не что иное, как государства в миниатюре» (Кн. 4.4). Аврелий постулирует временный, конечный характер всех земных государств, поэтому вполне спокойно относится к разграблению Рима готами. Для него земной мир представляется средством, с помощью которого человек достигает Бога.

Таким образом, в период формирования и развития в рамках позднеантичной цивилизации христианство проходит в трактовке государства длительный путь, от враждебных выпадов времен Апокалипсиса, к индифферентному отношению в Евангелиях далее, лояльному характеру периода гонений и, наконец, формированию концепции богоизбранности Империи, предназначенной для спасения человечества и построения Царства Божьего на земле. «Государственные» настроения менялись в процессе формирования христианского учения и церковной организации, а также изменения статуса христианской религии в Риме. Сложившаяся на закате античности концепция Рима как богоизбранного христианского государства предопределила в последующие века тип отношений государства и церкви в восточном христианстве, в то время как для западной христианской модели определяющей становится идея примата духовной власти над светской.

Библиографические ссылки

1. *Азаркин Н. М.* Всеобщая история юриспруденции: Курс лекций. М. : Юрид. лит., 2003.
2. *Алмазов В.* Христос и анархизм // Журнал «Вольная жизнь». № 8. дек. 1920 г.
3. *Гидулянов П.* Участие женщины в древнехристианском богослужении. Ярославль : Изд. Яросл. епар., 1908.
4. *Джемс В.* Многообразие религиозного опыта. М. : Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1910.
5. *Лебедев П. Н.* Христианство и империя: позиции в апологетической литературе конца II – первой половины III вв. н. э. // Вестн. РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2008. № 12. С. 49–57.
6. *Пенской В. В.* Формирование концепции «богоизбранного» государства в раннехристианской литературе // Науч. ведомости Белгор. гос. ун-та. Сер. филос.-теол. науки. 2006. № 9. С. 239–247.
7. *Писарев Л. И.* Учение об иерархии. Мужей апостольских // ПС. 1915. Т. 1. С. 90–188.
8. *Свенцицкая И. С.* Особенности религиозной жизни народных масс в азиатских провинциях

- Римской империи (II–III вв.): язычество и христианство // Древние цивилизации. Древний Рим. М. : Научно-издательский центр «Ладомир», 1997. С. 728–745.
9. *Свенцицкая И. С.* Раннее христианство: страницы истории. М. : Политиздат, 1989.
 10. *Федосик В. А.* Киприан и античное христианство. Минск : Университетское, 1991.
 11. *Федосик В. А.* Таинства без тайн. Возникновение и социальная сущность первых христианских таинств. Минск : Наука и техника, 1979.
 12. *Фядосік В. А.* Антычны трыумф хрысціянства, або Хрысціянская рэвалюцыя // Беларускі гістарычны часопіс. 2000. №2. С. 44–49.
 13. *Штаерман Е. М.* От религии общины к мировой религии // Культура Древнего Рима: В 2-х т. Т. 1. М. : Наука, 1985. С. 106–209.
 14. *Юлихер А.* Религия Иисуса и «начала христианства» до Никейского собора // Общая история европейской культуры: В 7 т. Т. 5. СПб. : Изд-е Брокгауз-Ефрон, 1908. С. 155 – 238.
 15. *Vaus K.* *Beginnings* // The Early Church: an abridgment of History of the Church: In 3 vol. Vol. 1. N. Y.: Crossroad, 1993. P. 3–75.
 16. *Brandon S. G. F.* Jesus and the Zealots; a study of the political factor in primitive Christianity. Manchester : Manchester University Press, 1967.
 17. *Frend W. H. C.* Archaeology and History in the Study of Early Christianity. L. : Variorum Reprints, 1988.
 18. *Greely A. M.* The Jesus myth. L. : Search Press, 1972.
 19. *Kidd B. J.* A History of the Church to A.D. 461: In 2 vol. Vol.1. Oxford : Clarendon Press, 1992.
 20. *McNamara J. A.* Matres Patriae /Matres Ecclesiae: Women of Rome / J.A. McNamara // Becoming Visible. Women in European History. – Boston, New York: Houghton Mifflin Company, 1998. – P. 77–103.
 21. *Shepherd M. H.* The Rise of Christianity // A Short History of Christianity. Chicago, London : The University of Chicago Press, 1967. P. 1–32.
 22. *Walker W. A.* History of the Christian Church / W. Walker. N. Y. : Charles Scribner's sons, 1970.
 23. *Yoder J. H.* The politics of Jesus. Michigan, Grand Rapids : Wm.B. Eerdmans, 1972. Mode of access: http://www.geocities.com/savageparade/poj#_Toc93340374/ – Date of access: 11.09.2021.

ОБОБЩЕНИЕ ПРОЦЕССА ОТ ЗАРОЖДЕНИЯ ЛИТУРГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В ВИЗАНТИИ И ДО НЕКОТОРОЙ ОФОРМЛЕННОСТИ ОБРАЗА РАННИХ ХРИСТИАНСКИХ ЛИТУРГИЙ

А. Д. Стржалковская

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия,
Strzhalkovskaya@yandex.ru

Статья посвящена изучению истории древних христианских богослужений. Обрядность, сопутствовавшая во время собраний первых христиан, имела весьма скудные, напоминающие по своей сущности традиционные иудейские собрания. Начальный этап евхаристического обряда включал в себя агапы, таинство причащения присоединялось к вечерю любви (агапе). На первые богослужения оказывает влияние, в частности на его внешнюю часть, иудейский ритуал. Начиная с IV века христианские обряды развиваются в отношении на становления циклов к богослужениям, так называемых суточного круга, недельного круга, годового круга. Дальнейшее распространение христианства привело к формированию собственной литургической традиции, имеющей свои обособленные детали, стили написания молитв и т.д. В столице империи Константинополе большое распространение получают литургии Василия Великого и Иоанна Златоуста.

Ключевые слова: история; литургия; раннее христианство; Византия; обряд.